

*Вне тематики номера
Outside of the theme rooms*

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ
SOCIAL PSYCHOLOGY

Радикализация женщин: объяснительный потенциал социально-психологического знания

Бовин Б.Г.

*Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России
(ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru*

Москвитина М.М.

*Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России
(ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7679-4869>, e-mail: admin.database.info@gmail.com*

Бовина И.Б.

*Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru*

В фокусе внимания в настоящей работе — анализ проблемы радикализации женщин. На основе обзора литературы представляется возможным говорить о том, что эта проблема зачастую игнорируется, терроризм рассматривается как деятельность мужчин, ошибочно считается, что женщины едва ли способны на агрессивное поведение; если они и вовлекаются в террористическую деятельность, то, скорее, на второстепенных ролях. В реальности же радикализация женщин являет собой стратегический шаг для террористической организации, ибо именно женщинам поручаются такие задания, где мужчины могут быть задержаны. Женщины выполняют целый ряд самых разнообразных ролей: от информаторов до боевиков. Информация, распространяемая женщинами, воспринимается иначе, чем та же самая информация, но распространяемая мужчинами — она приобретает иной смысл, используется в качестве стратегии пропаганды. В работе обсуждается специфика причин радикализации, по которым мужчины и женщины становятся на этот путь; при этом отмечается, что сами механизмы радикализации едва ли различаются в случае мужчин и женщин. В фокусе внимания в настоящей работе — объяснительный потенциал социально-психологического знания в связи с проблемой радикализации женщин. Демонстрируется преимущество теории неопределенности—идентичности, обсуждаются экспериментальные факты, полученные в рамках этой теории, обозначаются перспективы исследования проблемы радикализации женщин.

Ключевые слова: терроризм, радикализация женщин, оценка риска радикализации, социальная идентичность, неопределенность.

Для цитаты: Бовин Б.Г., Москвитина М.М., Бовина И.Б. Радикализация женщин: объяснительный потенциал социально-психологического знания [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2020. Том 9. № 3. С. 97—107. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090309>

Radicalization of women: an explicative potential of social psychological knowledge

Boris G. Bovin

*Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru*

Mariya M. Moskvitina

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7679-4869>, e-mail: admin.database.info@gmail.com

Inna B. Bovina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

The aim of the article is to analyze the problem of women's radicalization. Based on a review of the literature, it seems possible to say that this problem is often ignored, terrorism is considered as the men's activity, it is mistakenly believed that women are hardly capable of aggressive behavior, in case of involvement in terrorist activities, they are in a minor capacity. For terrorist organizations, it is a strategic step to use women because women are assigned the tasks where men can attract attention and be caught. In the activities of a terrorist organization, women perform a number of different roles: informants, specialists in developing propaganda strategies, recruiters, managers, qualified specialists, interpreters, objects of sexual bait, fighters. Information distributed by women is perceived differently from that distributed by men, it takes on a different meaning. The paper discusses the specific features of the reasons why men and women become radicalized, noting that the mechanisms of radicalization themselves hardly differ in the case of men and women. The paper is focused on the applicability and potential of theoretical schemes to explain the radicalization of women. Special attention is paid to the theory of uncertainty-identity, and empirical data obtained within the framework of this theory are discussed.

Keywords: terrorism, female radicalization, risk assessment of radicalization, social identity, uncertainty.

For citation: Bovin B.G., Moskvitina M.M., Bovina I.B. Radicalization of women: An explicative potential of social psychological knowledge. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2020. Vol. 9, no. 3, pp. 97—107. DOI:<https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090309> (In Russ.).

Введение

Терроризм не является новым феноменом XX века, он существует давно [27], но по-прежнему представляет собой серьезную угрозу для человечества.

Согласно статистике Глобальной базы данных по терроризму, в период с 1970 по 2018 г. в мире было совершено 191464 терактов [15]. Динамика количества погибших в результате терактов такова, что после пика 2014 г. отмечается спад на 52% к 2018 г.

Теракты совершаются преимущественно в ряде определенных регионов мира: Ближний Восток, Южная Азия, Африка к югу от Сахары. На долю этих территорий в период с 2002 по 2017 г. пришлось 93% жертв терроризма [16]. При этом количество терактов растет по экспоненте.

Однако кроме количественных показателей различают некоторые особенности терроризма, которые объясняют, почему это явление, ставшее фактически вездесущим [41], по-прежнему остается серьезной проблемой современного мира, требующей исследовательского внимания и контрмер [2].

Во-первых, произошла трансформация терроризма из *классического* в *глобальный* [41]. Как отмечает М. Вьеверка (M. Wiewierka) [41], эра глобального терроризма ознаменована двумя терактами в Бейруте, направленными против американских и французских миротворцев (23.10.1983). С этого момента терроризм перестал быть явлением, ограниченным рамками какого-либо государства, масштаб его стал глобальным и безграничным [1; 41]. Апогей

глобального терроризма пришелся на 11 сентября 2001 года; его новым элементом стали так называемые «спящие ячейки», которые, как отмечает Ж. Бодрийяр, могут проснуться в любой момент и действовать [1].

Во-вторых, террористические организации умело используют достижения современного технологического прогресса. С помощью Интернета удается сделать то, что едва ли было возможно ранее: установить, поддерживать и развивать контакты со значительной аудиторией, рекрутировать новых членов [7; 10].

Модернизировалась и форма воздействия на людей. Как подчеркивает Ф. Хосрохавар [7], ИГ, по сравнению с Аль-Каидой, значительно преобразовало стратегию пропаганды: стали активно использоваться популярны темы из западных сериалов, рекламы, видеоигр, музыки. Однако все это приобретало новый смысл: легко всплывающие в памяти музыка или изображения несут идеи терроризма.

В-третьих, серьезной угрозой стала радикализация в местах лишения свободы [3; 24; 31].

Наконец, — проблема радикализация женщин.

В литературе этому вопросу уделяется крайне мало внимания, поскольку терроризм — явление, ассоциирующееся с мужчинами [36; 40]. Этот момент и определил цель настоящей работы: теоретико-аналитическое исследование проблемы радикализации женщин. В фокусе внимания — рассмотрение объяснительного потенциала социально-психологического знания.

Проблема, которую проигнорировали...

Игнорирование роли женщин в деятельности террористических группировок имеет свои опасные последствия: они успешно выполняют задания этих организаций, получают менее строгие сроки за совершенные преступления террористического и экстремистского толка [40].

Предпринятый нами анализ зарубежной литературы позволяет говорить о реальной необходимости изучения проблемы: вовлеченность женщин совсем не такая ничтожная — 13% иностранных бойцов в рядах террористической организации ИГ составили женщины [40].

В соответствии с данными Europol, четверть численности задержанных за террористическую активность в 2016 г. составили женщины [14]. Вовлеченность женщин в террористическую деятельность в значительной степени привлекает внимание средств массовой коммуникации (СМК), которые конструируют свое понимание, как мотивации и путей радикализации женщин, так и их роли в деятельности террористической организации [5].

Внимание СМК, с точки зрения А. Спенсер (A. Spencer) [36], делает террористическую деятельность привлекательной и способствует вступлению в террористическую организацию новых членов, в том числе женщин.

Игнорирование проблемы радикализации женщин, их вовлеченности в террористическую деятельность базируется на ошибочной идее о том, что женщины не способны к совершению жестоких действий («как же дающая жизнь может ее разрушить самым варварским образом» [40]). Согласно этому ошибочному пониманию, женщины, в крайнем случае, выполняют второстепенные роли в террористических организациях (жен и матерей террористов; но из фокуса внимания ускользает тот факт, что даже в этом случае женщины выполняют очень важную роль — воспитание детей; вопрос о том, какие именно идеи транслируются, остается открытым). Все это оборачивается тем, что именно женщин используют для выполнения задач, где мужчины привлекают внимание.

Женщины в меньшей степени подвергаются мерам контроля безопасности, чем мужчины, что позволяет женщинам-смертницам беспрепятственно совершить теракт [36; 40].

В террористических группировках женщины выполняют ряд социальных ролей: это информаторы, специалисты по разработке стратегий пропаганды, рекрутеры, руководители, квалифицированные специалисты, переводчики, объекты сексуальной приманки и др.

Участие именно женщин в террористических акциях, например в Палестине, использовалось для демонстрации безнадежности положения, как вынужденная мера, доведенных до крайности палестинцев в конфликте с израильтянами [36; 39]. Это способ привлечения внимания к проблеме положения палестинцев, на что указывает А. Спекхард (A. Speckhard) [35], говоря о

переполохе в СМК в Палестине, когда женщины совершают теракты.

Итак, вовлечение женщин террористическими организациями являет собой новую стратегию их обращения к более широкой аудитории.

Информация, распространяемая женщинами в социальных сетях, воспринимается иначе, чем подобная, исходящая от мужчин [36; 40], террористическая деятельность позиционируется как любая другая [40].

Игнорирование факта, что женщины принимают активное участие в работе террористических организаций, ведет к тому, что профилактические меры в этом направлении не ориентированы на женщин. На этом фоне совершенно логичным представляется отмечаемый в литературе рост вовлеченности женщин в деятельность террористических организаций [6; 14].

Таким образом, обращение к проблеме радикализации женщин — остро актуально.

С точки зрения А. Круглянки (A. Kruglanski), «понятие терроризма оказалось невосприимчивым к согласованному определению» [28, р. 2], список из 109 определений, представленных в работе 1988 г. по политическому терроризму, не является исчерпывающим, в настоящее время он пополнился рядом новых.

Мы будем здесь исходить из определения терроризма, согласно которому — это «... действия негосударственных субъектов, связанные с угрозой или фактическим применением незаконной силы или насилия для достижения политической, экономической, религиозной или социальной цели посредством страха, принуждения или запугивания» [12, р. 496]. Террористическая деятельность реализуется группой. Это определяет и понимание процесса радикализации.

В случае процесса радикализации имеет место сходная ситуация, как и с определением терроризма. Из разнообразных трактовок обратимся к одной, предложенной К. Маккали и С. Москаленко (С. McCauley, S. Moskalenko): радикализация — это «... растущая крайность убеждений, чувств и поведения в направлении, которое все больше оправдывает межгрупповое насилие и требует жертв в защиту ингруппы» [30, с. 416].

Это определение акцентирует групповую природу террористической деятельности и межгрупповой контекст действий.

Однако здесь возникает сложность. Р. Борем подчеркивает, что связь между радикальными убеждениями и террористической деятельностью не столь проста: в частности, люди, имеющие радикальные убеждения (и таких немало в мире), не совершают терактов; но верно и обратное: террористы не всегда разделяют радикальных убеждений [8; 9].

К. Маккали (С. McCauley) в недавней работе замечает, что 99% людей с радикальными взглядами никогда не двинутся в сторону террористической деятельности, многие уже совершили акты терроризма, не имея при этом радикальных идей [29]. Это очень важное наблюдение, вернемся к нему позже.

Гендер и радикализация

На основе обзора литературных источников мы полагаем, что факторы, влияющие на вовлечение в террористическую деятельность, могут быть сгруппированы следующим образом: психологические, личностные, социальные, экономические, религиозные и политические [36; 40].

При конкретизации этих причин можно указать специфические для женщин: гендерное неравенство и дискриминация, недостаток экономических возможностей, кодекс чести (актом совершения теракта смертницей искупается стыд, ассоциированный с сексуальным насилием) [36; 39; 40]. Различия касаются и фактора семейных связей: потеря близкого человека (возлюбленного) или давление со стороны семьи [6; 36; 40].

Вместе с тем, как отмечают К. МакКали и С. Москаленко (С. McCauley, S. Moskalenko) [30], люди присоединяются к террористическим организациям по причинам, далеким от политических идей: личное недовольство, бегство от жизненных обстоятельств, поиск статуса и риска, влюбленность в члена группы. Последнее скорее касается женщин, нежели мужчин.

Анализ информации, представленной в базе Western Jihadism Project [14], (N = 538 случаев, 272 женщин и 266 мужчин), где вовлеченность в террористическую деятельность определялась хотя бы по одному критерию (осуждены за терроризм, погибли в результате выполнения теракта, внесены в список террористов, публичное признание принадлежности к террористической организации в социальных сетях; в фокусе внимания — индивиды, которые радикализировались, проживая в западных странах) позволил выявить ряд особенностей вовлечения в террористическую деятельность на уровне социально-демографических характеристик. Было показано, что мужчины и женщины вовлекаются в террористическую деятельность в возрастном интервале от 18 до 28 лет. Разница в возрасте отсутствует: у женщин средний возраст радикализации = 24,57 года (SD = 7,36), у мужчин — 23,33 года (SD = 8,63). Однако большинство мужчин — рожденные в промежуток от 1983 до 1990 г., а женщин — после 1990 г. Этот факт заслуживает внимания из-за особенностей социализации мужчин и женщин. Большинство мужчин и женщин закончили среднюю школу, часть — обучались в университете (этот факт сочетается с данными по террористам в Палестине [33], но противоречит идее о том, что террористы представлены преимущественно малообразованными слоями населения).

41,7% женщин (против 13,7% у мужчин) не имели определенного рода занятий. Обращает на себя внимание тот факт, что только треть мужчин и женщин обратились в ислам, в то время как в литературе утверждается, что обращение в ислам является фактором риска [14].

В целом, и мужчины, и женщины не имели судимостей, однако мужчины чаще женщин имели крими-

нальное прошлое. Отсюда — радикализация в местах заключения в большей степени касается мужчин, чем женщин [24; 33].

Обращает на себя внимание тот факт, что женщины чаще мужчин принадлежали к определенной террористической организации, существовала разница в принадлежности к организациям — ИГ в случае женщин, Аль-Каида в случае мужчин, — что можно объяснить как разницей в возрасте, так и стратегиями пропаганды двух организаций. Женщины в большей степени, чем мужчины, были вовлечены в деятельность за границей. Хотя полученные результаты не могут быть распространены на различные контексты и террористические организации, однако даже эти факты позволяют поставить под сомнение распространенные убеждения о второстепенной роли женщин в террористической организации [14].

Все это, тем не менее, ничего не говорит о том, как происходит радикализация.

Радикализация женщин: потенциал социально-психологического знания

Причины и пути радикализации зависят от времени, контекста и культуры [12]. То, почему женщины в Палестине или в Шри-Ланке присоединяются к террористическим организациям, отличается от причин, которые преследуют женщины в Западной Европе [40].

В первом случае речь скорее идет о возможности изменения своего положения, т. е. вовлеченность в деятельность террористической организации открывает определенные экономические и политические возможности, которых лишена женщина, ведущая традиционный образ жизни [35; 36; 40]. Во втором случае скорее можно говорить о ситуации разрешения парадокса постмодернизма: получая свободу (положение женщин в Западных странах явно отличается от того в странах Ближнего Востока или Южной Азии), человек страдает от неопределенности (Что делать? Кем быть?), как следствие, стремится к определенности и абсолюту, что и делает привлекательными идеологические системы убеждений [19].

Наша исходная позиция здесь заключается в том, что имеющиеся в литературе модели [4; 25] (*континуумные*, где предпочтение отдается анализу факторов, которые влияют на процесс радикализации, или *поэтаные*, где в фокусе внимания находится содержание процесса радикализации) обладают самым значительным потенциалом для объяснения радикализации женщин; они используются для того, чтобы вскрыть те трансформации, которые происходят с женщинами.

Говоря о факторах вовлечения в террористическую деятельность, обратимся к анализу системы оценки риска радикализации (ERG — руководство по оценке риска экстремизма) [26; 34].

Эта система апеллирует к теории причинного действия А. Айзена и М. Фишбайна (I. Ajzen, M. Fishbein)

[11; 26]. 22 индикатора системы ERG объединены в три группы индикаторов, которые подлежат оценке: вовлеченность, намерение и способности.

Первая группа индикаторов касается взаимодействия и развития убеждений, согласующихся с идеологически мотивированной группой. Здесь вырабатываются установки, поведение и групповые нормы, необходимые для возникновения намерения (потребность в исправлении ситуации, связанной с несправедливостью или недовольством; потребность в защите перед лицом угрозы; потребность в идентификации, смысле и принадлежности; потребность в статусе; потребность во впечатлениях, приключениях; потребность в доминировании; восприимчивость к индоктринации; политические и моральные мотивы; оппортунистическая вовлеченность; наличие семьи или друзей с экстремистскими взглядами; переходный период в жизни; психическое здоровье).

Вторая группа индикаторов обеспечивает готовность к действию (идентификация с группой; мышление по принципу «Мы—Они»; дегуманизация врага, социальные установки, оправдывающие правонарушение; принятие насилия для достижения целей; наличие целей насильственного характера).

Третья группа содержит факторы риска, которые указывают на определенные знания, навыки и способности, подталкивающие человека к совершению экстремистских преступлений, вовлеченность в криминальную деятельность в прошлом [11; 26]. Очевидно, что модель не является специфической только для мужчин, но обладает потенциалом для оценки риска вовлеченности женщин в экстремистскую и террористическую деятельность.

С точки зрения модели Р. Борема (R. Borum) [8; 9], процесс радикализации происходит поэтапно.

Стартовой точкой является рассмотрение своих условий как нежелательных. Далее, сравнивая свое положение с положением других, человек делает вывод о неравенстве, о несправедливости своего положения. На третьей стадии происходит обвинение других: аутгруппа виновна в несправедливости и неравенстве ситуации.

Стереотипизация и демонизация врага позволяет легитимизировать насилие в отношении аутгруппы. Как правило, эти стадии не являются специфически мужскими, речь здесь идет о межгрупповых отношениях, о трансформации социально-перцептивных процессов, что делает модель потенциально приложимой для объяснения радикализации женщин.

Ф. Мохаддам (F. Moghaddam) предлагает говорить о радикализации, используя метафору ступеней [32]. Стартовая точка — чувство депривации, которое испытывает человек; речь идет не о реальности, а о ее отражении. В разных странах мира люди проживают в затруднительных социально-экономических условиях, но объективные условия не ведут с неизбежностью к радикализации [25; 32]. Продвижение по ступеням радикализации касается только тех, кто интерпретирует

ситуацию в межгрупповом контексте и переживает относительную депривацию. На второй ступени находятся люди, которые считают, что с ними несправедливо обращаются. Факторы, определяющие то, как радикализируются индивиды действуют в отношении своего низкого группового статуса: социальная мобильность и процедурная справедливость. У человека, имеющего возможность повысить свой социальный статус путем социальной мобильности и процедурной справедливости, нет оснований для продвижения по ступеням радикализации, в противном случае человек поднимется дальше, приписав вину членам аутгруппы в депривации своей группы. На этой ступени человек мыслит по принципу «Мы—Они», он готов примкнуть к движениям с салафистскими идеями [32], он готов к совершению физической агрессии в отношении врага. На следующей ступени возникает моральная готовность к борьбе за идеальное общество разными способами, включая акты насилия против гражданского населения.

Террористические организации рекрутируют новых членов в свои ряды, предлагая им «правильную» картину мира, «истинную» интерпретацию идей ислама. На следующей ступени индивиды оказываются в мире террористической организации. Изначально это небольшие ячейки (4—5 человек), из них готовят террористов-смертников [32]. На этой ступени происходит вхождение нового члена в группу; подчинение и лояльность сильно выражены в террористической организации, неподчинение и отсутствие лояльности подвергаются жестокому наказанию [32].

Среди других важных психологических процессов, которые действуют здесь — социальная категоризация и психологическая дистанция. Посредством процессов социальной категоризации гражданское население обозначается как часть аутгруппы — враг, на которого направлены теракты; дистанцирование позволяет усиливать разницу между ин- и аутгруппой. Как результат — дегуманизация аутгруппы, что оправдывает уничтожение ее членов. Эта модель радикализации приложима для объяснения того, как женщины вовлекаются в деятельность террористических организаций.

Обратимся к направлению европейской социальной психологии [13], базирующемуся на теории социальной идентичности Г. Тэшфела (H. Tajfel) и теории самокатегоризации Дж. Тернера (J. Turner) [38; 37]. Ключевая идея их подхода заключается в том, что индивидуальные действия определяются социальными силами [20]. Ни одна из предшествующих схем не может быть использована для объяснения индивидуальных действий интраиндивидуальными конструктами. Социальная идентичность — это «... знание индивидом своей принадлежности к определенным социальным группам вместе с некоторой эмоциональной и ценностной значимостью для него принадлежности к этой группе» [цит. по: 38, р. 15]. Это знание является чрезвычайно важным, чувство self люди извлекают именно из принадлежности к социальным группам.

С точки зрения подхода социальной идентичности, группа — это категория людей, разделяющих одну и ту же социальную идентичность, оценивающих себя сходным образом (ингруппа), отличающих себя от людей с другой идентичностью (аутгруппа), стремящихся к поддержанию позитивной социальной идентичности [19].

Получая от группы социальную идентичность, человек обретает определенность в отношении того, кем он является, каково его место в социальном мире, что ему думать и чувствовать, как поступать, как его воспринимают другие, как взаимодействуют с ним [19; 20], словом, он получает предсказуемость.

В теории Г. Тэшфела (H. Tajfel) различается другой тип идентичности — персональная идентичность. Этот конструкт связан с self, он отличает человека в группе от других в терминах личностных атрибутов [37]. Имея целый ряд социальных и персональных идентичностей, человек в определенный момент действует через призму актуализированной идентичности: интерпретирует себя, воспринимает других и выстраивает социальное поведение [19].

Люди представляют группу или социальную категорию как некоторый прототип (расплывчатый набор атрибутов, среди которых восприятия, аттитюды, чувства), который предписывает индивиду поведение. Прототип позволяет говорить о том, что характеризует данную группу и чем она отличается от других [38; 19; 20].

Среди мотивационных процессов, связанных с социальной идентичностью, внимание привлекает снижение неопределенности, ибо этот процесс связан с радикализацией [19; 20]. Этот мотив лег в основу теории *неопределенности—идентичности* М. Хогга (M. Hogg), которая объясняет то, почему люди примыкают к бандам, вступают в группировки с экстремистскими и радикальными взглядами [22], а дальше — действуют в соответствии с нормами этих групп.

В повседневной жизни человека все время окружает неопределенность, связанная с самыми различными явлениями. Не только безработица, война, кризис, эпидемия порождают неопределенность в обществе, глобализированный мир становится непредсказуемым, непонятным, пугающим [21; 18]. Процесс общения теперь трансформировался, большая часть повседневной жизни связана с использованием коммуникативных технологий.

Современный мир характеризуется дефрагментацией, где традиционные основания для категоризации не срабатывают; это порождает очень неприятное чувство неопределенности [19]. Как следствие — у индивида возникают многочисленные вопросы о том, кто он такой, каково его место в этом мире, как нужно думать, чувствовать, действовать. Для избегания неопределенности человек стремится к другим, которые помогут ему понять, что думать, как чувствовать и действовать. Снизить неопределенность можно с помощью социальной категоризации, потому что она делает поведение предсказуемым; чем сильнее выражено чувство неопре-

деленности, тем больше человек стремится к группам с такими особенностями [19]: высокая гомогенность группы; специфический прототип — ясный, предписывающий, согласованный (исключается инакомыслие, которое порождает сомнения и неопределенность); сильно выраженное отличие этой группы от других.

Итак, переживая неопределенность, люди становятся уязвимыми к разделению радикальных идей и членству в соответствующих группировках; такова цена прямых и однозначных ответов на беспокоящие вопросы. Снижение неопределенности достигается за счет принадлежности к группе. Индивиды обретают искомую социальную идентичность, получают нормы и правила поведения, направление мыслей и чувств. В экстремальных ситуациях привлекательнее становятся группы, в которых отдается предпочтение снижению неопределенности, затрагивающей self, вместе с ортодоксальными, экстремистскими взглядами, имеющие жесткую идеологическую систему убеждений, авторитарное лидерство [19; 22]. Люди отходят от групп с умеренными взглядами [17].

Присоединяясь к группе с экстремистскими взглядами, индивид получает всеохватывающую, ригидную, эксклюзивную и предписывающую в крайней степени социальную идентичность и чувство Я [19]. Группы с экстремистскими взглядами задают своим членам четкий стандарт: что является верными, а что — нет. Как следствие, члены группы получают однозначную основу для оценки представителей аутгруппы, вплоть до их дегуманизации, что в результате оправдывает любые действия в отношении этих людей [19]. Заметим, что в отличие от моделей, рассмотренных выше, мотивирующим источником движения к группе с радикальными убеждениями является чувство неопределенности: переживание неопределенности оборачивается идентификацией с группами, разделяющими крайние, радикальные взгляды — такова цена снижения неопределенности.

Чем выше идентификация с такими группами у индивида, тем больше вероятность, что он будет вовлекаться в радикальные действия во имя этой группы, ибо социальная идентичность, особенно если она единственная, эксклюзивная, ригидная, способствует мобилизации. Идентичность является тем самым механизмом, который подталкивает к действию [19].

Теория неопределенности—идентичности обладает несомненным преимуществом по сравнению с другими моделями, групповые и межгрупповые отношения — конструкты этого подхода, опора на которые позволяет объяснить то, как человек приходит к совершению террористического акта.

В рамках этого подхода имеются экспериментальные исследования, дающие эмпирические основания для того, чтобы утверждать, что радикализация мужчин и женщин происходит по одним и тем же механизмам. В лабораторном эксперименте, выборку которого составили австралийские студенты (87 девушек и 81 юношей), проверялась гипотеза о том, что в ситуации уме-

ренной неопределенности индивид отдает предпочтение группе с умеренными взглядами и стратегией поведения; эта идентификация исчезает, сменяется новой — с группой с радикальными убеждениями и действиями — в ситуации высокой неопределенности [23]. Чувство неопределенности инициировалось значимой ситуацией, касающейся оплаты обучения. Группа с умеренными убеждениями и стратегией характеризовалась так: демократический лидер, свободная структура и гетерогенность группового членства, низкие барьеры для присоединения к группе, разная степень приверженности к группе, разные точки зрения. Действия, которые предполагались для борьбы: распространение информационных брошюр, обсуждения и обращение в газету. Радикальная группа характеризовалась ригидностью и иерархичностью структуры, сильным лидерством, гомогенностью точек зрения, высокой приверженностью к группе, недопустимостью инакомыслия. Эта группа ратовала за действия, а не за слова; среди акций — блокировка университета. Результаты исследования показали, что в ситуации неопределенности возрастает идентификация с группой, в ситуации сильной неопределенности предпочтение отдается группам с радикальными взглядами и готовностью к радикальным действиям, при этом разница между мужчинами и женщинами отсутствует [23].

В другом исследовании [17], реализованном на женских и мужских группах (выборку составили мужчины (N=92) и женщины (N=126) в возрасте от 18 до 67 лет). Эти группы по своим характеристикам соответствуют тому, что Д. Кэмпбелл (D. Campbell) назвал высокой *энтинативностью* [19]; степень идентификации с ними составила M=6,35 по шкале от 1 до 9. Исходя из идеи групповой прототипичности (члены группы могут быть определены как центральные и периферические), авторы предположили, что периферические члены группы, которые верят в то, что совершение определенного поведения позволит им быть принятыми группой, с большей вероятностью будут готовы к действиям экстремистского и антисоциального характера от имени группы. Полагалось, что этот эффект будет выражен сильнее в группах мужчин, чем в группах женщин [17]. Результаты исследования показали, что люди, которые сильно идентифицируются с группой, но чувствуют, что еще не приняты в нее как полноправные члены, и полагают, что определенное поведение во имя группы позволит им быть полностью принятыми членами группы, с большей вероятностью будут вовлечены в радикальные действия в отношении членов аутгруппы, действуя от имени своей группы. Самое любопытное — отсутствие разницы между мужчинами и женщинами в готовности действовать агрессивно и антисоциально во имя своей группы.

Эти результаты дают основание полагать, что процесс радикализации, механизмы вовлечения в террористическую деятельность не различаются в случае мужчин и женщин [17]. Речь в данном случае идет о том, как люди присоединяются к террористическим

организациям, причем в фокусе внимания — люди, которые ощущают себя находящимися на периферии общества. Это путь почувствовать себя принятым группой, это обретение четкого и определенного чувства self и идентичности [17].

Заключение

В фокусе внимания в настоящей работе был анализ проблемы радикализации женщин. На основе анализа литературы представляется возможным говорить о том, что эта проблема практически игнорируется, терроризм рассматривается как деятельность мужчин; ошибочно считается, что женщины едва ли способны на агрессивное поведение, если они и вовлекаются в террористическую деятельность, то на второстепенных ролях [36; 40]. На дискусионность этого взгляда указывает анализ фактологической информации о женщинах-террористках, представленной в базах данных [14].

Для террористических организаций радикализация женщин является стратегическим шагом: женщинам поручают задания, которые не могут выполнить мужчины в силу высокого риска быть задержанными. В деятельности террористической организации женщины выполняют целый ряд ролей. Информация, распространяемая женщинами, воспринимается аудиторией иначе, нежели она, распространяемая мужчинами. Эта информация обретает иной смысл, превращается в более субтильную стратегию воздействия. Совершение терактов женщинами указывает на крайность положения определенной группы [14; 36; 39; 40].

Существует разница в причинах, по которым мужчины и женщины вовлекаются в террористическую деятельность, однако механизмы радикализации идентичны. Объяснительные схемы радикализации (континуумные и поэтапные) обладают потенциалом для объяснения процесса радикализации женщин. Наиболее продуктивной моделью для объяснения радикализации женщин является теория неопределенности—идентичности М. Хогга (M. Hogg) [19; 20; 21; 22; 23; 18]. Экспериментальные исследования [17; 23] дают эмпирические основания для того, чтобы говорить о сходстве механизмов радикализации мужчин и женщин: переживания неопределенности — негативны и мотивируют по направлению к преодолению этого опыта. Эффективный способ преодоления неопределенности — присоединение к группам; предпочтение отдается тем, которые характеризуются ригидностью и иерархичностью структуры, сильным лидерством, гомогенностью точек зрения, высокой приверженностью к группе, недопустимостью инакомыслия. Такого рода группы позволяют получить ясный и простой ответ на вопросы о том, что думать и чувствовать, как действовать. Этот эффект только усиливается, если человек чувствует себя на периферии общества [17].

Потенциал теории неопределенности-идентичности для объяснения радикализации женщин заключа-

ется в том, что эта модель базируется на идеях подхода социальной идентичности [38; 20; 37], объясняет индивидуальные действия социальными силами [20], присоединение к группе не объясняется, исходя из интраиндивидуальных конструкторов, как это имеет место в других моделях, проанализированных в работе. Именно эта теория проливает свет на рассогласование когнитивного и поведенческого уровней, обозначенное Р. Боремом (R. Borum) и К. Маккали и

С. Москаленко (С. McCauley, S. Moskalenko)[8; 9; 30]: когда люди, совершившие теракт, не имеют радикальных убеждений.

Ценность этого подхода и в наличии экспериментальных фактов (модели Р. Борема (R. Borum) и Ф. Мохадамма (F. Moghaddam) описательны, не опираются на экспериментальные результаты). Дальнейшее развитие этого подхода обогатит понимание процесса радикализации женщин.

Литература

1. *Бодрийяр Ж.* Дух терроризма. Войны в Заливе не было. М.: Рипол-Классик, 2017. 226 с.
2. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019—2023 годы (утв. Президентом Российской Федерации от 28.12.2018 № Пр-2665) [Электронный ресурс] // МЧС России. Москва, 2018. 19 с. URL: <https://www.mchs.gov.ru/dokumenty/2632> (дата обращения: 26.05.2020).
3. Проблема распространения религиозного экстремизма в местах лишения свободы [Электронный ресурс] / С.С. Оганесян [и др.] // Ведомости Уголовно-исполнительной системы. 2019. № 3. С. 51—59. URL: http://or.fsin.su/vedomosti/detail.php?ELEMENT_ID=462214 (дата обращения: 26.05.2020).
4. Радикализация в подростково-молодежной среде: в поисках объяснительной схемы / А.Д. Тихонова [и др.] // Культурно-историческая психология. 2017. Том 13. № 3. С. 32—40. DOI:10.17759/chp.2017130305
5. *Родисьо А.* Невесты Джихада. М.: Бомбора, 2018. 416 с.
6. *Соснин В.А.* Психология терроризма и противодействие ему в современном мире. М.: Институт психологии РАН, 2016. 344 с.
7. *Чайников Ю.В.* 2019.04.008. Хосрохавар Ф. Кибер-халифат игил. Khosrokhavar F. Le cyber-califat de daech [Электронный ресурс] // Carnet du caps. №26. Paris, 2018. P. 89—100 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. 2019. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2019-04-008-hosrokhavar-f-kiber-halifat-igil-khosrokhavar-f-le-cyber-califat-de-daech-carnet-du-caps-paris-2018-n-26-r-89-100> (дата обращения: 17.09.2020).
8. *Borum R.* Radicalization and involvement in violent extremism I: A review of definitions and applications of social science theories // Journal of Strategic Security. 2012. Vol. 4. № 4. P. 7—36. DOI:10.5038/1944-0472.4.4.1
9. *Borum R.* Radicalization and involvement in violent extremism II: A review of conceptual models and empirical research // Journal of Strategic Security. 2011. Vol. 4. № 4. P. 37—62. DOI:10.5038/1944-0472.4.4.2
10. *Conesa P., Huyghe F.B., Chouraqui M.* La propagande francophone de Daech: la mythologie du combattant heureux [Электронный ресурс] / FMSH. Observatoire des radicalisations. Paris, 2016. 230 p. URL: <http://www.favt.org/uploads/ckfinder/files/Actualit%C3%A9s/Rapport%20Propagande%20Bdef.pdf> (дата обращения: 17.09.2020).
11. Countering Violent Extremism: The Application of Risk Assessment Tools in the Criminal Justice and Rehabilitation Process: Literature Review [Электронный ресурс] / RTI International // Homeland Security. 2018. URL: <https://www.dhs.gov/publication/st-cve-application-risk-assessment-tools-criminal-justice-and-rehabilitation-process> (дата обращения: 16.05.2020).
12. Culture and Extremism / M.J. Gelfand [et al.] // Journal of Social Issues. 2013. Vol.69. № 3. P. 495—517. DOI:10.1111/josi.12026
13. *Farr R.* The roots of modern social psychology. Oxford: Blackwell Publishers, 1996. 166 p.
14. Gender in the Jihad: Characteristics and Outcomes Among Women and Men Involved in Jihadist-Inspired Terrorism / C.S. Brugh [et al.] // Journal of Threat Assessment and Management. 2019. Vol. 6. № 2. P. 76—92. DOI:10.1037/tam0000123
15. Global Terrorism database [Электронный ресурс] / National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism an Emeritus Center of Excellence of the U.S. Department of Homeland Security. University of Maryland, 2020. <https://www.start.umd.edu/gtd/search/Results.aspx?search=&sa.x=54&sa.y=3> (дата обращения: 26.05.2020).
16. Global Terrorism Index 2019: Measuring the Impact of Terrorism. Sydney [Электронный ресурс] / Institute for Economics & Peace. Sydney: IEP, 2019. 101 p. URL: <http://visionofhumanity.org/app/uploads/2019/11/GTI-2019web.pdf> (дата обращения: 26.05.2020).
17. *Goldman L., Hogg M.A.* Going to extremes for one's group: the role of prototypicality and group acceptance // Journal of Applied Social Psychology. 2016. Vol. 46. № 9. P. 544—553. DOI:10.1111/jasp.12382
18. *Hogg M., Kruglanski A., K. Van den Bos.* Uncertainty and the Roots of Extremism // Journal of Social Issues. 2013. Vol. 69. № 3. P. 407—418.
19. *Hogg M.A.* Self-uncertainty, social identity and the solace of extremism // Extremism and psychology of uncertainty / Eds. M.A. Hogg, D.L. Blaylock. Oxford: Wiley-Blackwell, 2012. P. 19—35.
20. *Hogg M.A.* Social identity theory // Contemporary social psychological theories / Ed. P.J. Burke. Palo-Alto: Stanford University Press, 2006. P. 111—136.

21. Hogg M.A. To belong or not to belong: some self-conceptual and behavioural consequences of identity uncertainty // *International Journal of Social Psychology*. 2015. Vol. 30. № 3. P. 586—613. DOI:10.1080/02134748.2015.1065090
22. Hogg M.A. Uncertainty and the Roots of Extremism // *Journal of Social Issues*. 2013. Vol. 69. № 3. P. 407—418. DOI:10.1111/josi.12021
23. Hogg M.A., Meehan C., Farquharson J. The solace of radicalism: Self-uncertainty and group identification in the face of threat // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2010. Vol. 46. № 6. P. 1061—1066. DOI:10.1016/j.jesp.2010.05.005
24. Jones C.R. Are prison really schools for terrorism? Challenging the rhetoric on prison radicalization // *Punishment and Society*. 2014. Vol. 16. № 1. P. 74—103. DOI:10.1177/1462474513506482
25. King M., Taylor D.M. The Radicalization of Homegrown Jihadists: A Review of Theoretical Models and Social Psychological Evidence // *Terrorism and Political Violence*. 2011. Vol. 23. № 4. P. 602—622. DOI:10.1080/09546553.2011.587064
26. Knudsen R. A. Measuring radicalisation: risk assessment conceptualisations and practice in England and Wales // *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*. 2020. Vol. 12. № 1. P. 37—54. DOI:10.1080/19434472.2018.1509105
27. Koomen W., Van der Pligt J. Introduction // *The Psychology of Radicalization and Terrorism* / Eds. W. Koomen, J. van der Pligt. New York: Routledge, 2016. P. 1—10.
28. Kruglanski A., Fishman S. Psychological Factors in Terrorism and Counterterrorism: Individual, Group, and Organizational Levels of Analysis // *Social Issues and Policy Review*. 2009. Vol. 3. № 1. P. 1—44. DOI:10.1111/j.1751-2409.2009.01009.x
29. McCauley C. The ABC model: Commentary from the Perspective of the Two Pyramids Model of Radicalization // *Terrorism and Political Violence*. 2020. 10 p. DOI:10.1080/09546553.2020.1763964
30. McCauley C., Moskalenko S. Mechanisms of political radicalization: Pathways towards terrorism // *Terrorism and Political Violence*. Philadelphia, Suite: Taylor & Francis, 2008. Vol. 20. № 3. P. 415—433. DOI:10.1080/09546550802073367
31. Millana L. Terrorism and violence in Spanish prisons: A Brief Glimpse into Prison Environment: Personal Experiences and Reflections // *Cross-Cultural Dialogue as a Conflict Management Strategy* / Eds. J. Martín Ramírez, G. Abad-Quintanal Verlag: Springer International Publishing, 2018. P. 138—153.
32. Moghaddam F.M. The Staircase to Terrorism: A Psychological Exploration // *American Psychologist*. 2005. Vol. 60. № 2. P. 161—169. DOI:10.1037/0003-066X.60.2.161
33. Personality Characteristics of «Self Martyrs» / «Suicide Bombers» and Organizers of Suicide Attacks' / A. Merari [et al.] // *Terrorism and Political Violence*. 2009. Vol. 22. № 1. P. 87—101. DOI:10.1080/09546550903409312
34. Sarma K.M. Risk assessment and the prevention of radicalization from nonviolence into terrorism // *American Psychologist*. 2017. Vol. 72. № 3. P. 278—288. DOI:10.1037/amp0000121
35. Speckhard A. Female Terrorists in ISIS, al Qaeda and 21st Century Terrorism [Электронный ресурс] // *Trends Research: Inside the Mind of a Jihadist*. 2015. 10p. URL: https://www.researchgate.net/profile/Anne_Speckhard/publication/277204743_Female_Terrorists_in_ISIS_al_Qaeda_and_21st_Century_Terrorism/links/556472a908ae86c06b6a76c5/Female-Terrorists-in-ISIS-al-Qaeda-and-21st-Century-Terrorism.pdf (дата обращения: 26.05.2020).
36. Spencer A.N. The Hidden Face of Terrorism: An Analysis of the Women in Islamic State // *Journal of Strategic Security*. 2016. Vol. 9. № 3. P. 74—98. DOI:10.5038/1944-0472.9.3.1549
37. Tajfel H. Social psychology of intergroup relations // *Annual Review of Psychology*. 1982. Vol. 33. № 1. P. 1—39. DOI:10.1146/annurev.ps.33.020182.000245
38. The new psychology of health / C. Haslam [et al.]. London: Routledge, 2018. 490 p.
39. Von Knop K. The Female Jihad: Al Qaeda's Women // *Studies in Conflict and Terrorism*. 2007. Vol. 30. № 5. P. 397—414. DOI:10.1080/10576100701258585
40. Wickham B.M., Capezza N.M., Stephenson V.L. Misperceptions and motivations of the female terrorist: A Psychological Perspective // *Journal of Aggression, Maltreatment and Trauma*. 2020. Vol. 29. № 8. P. 953—968. DOI:10.1080/10926771.2019.1685041
41. Wiewiorka M. From the «classic» terrorism of the 1970s to contemporary «global» terrorism // *Societies under threat* / Eds. D. Jodelet, J. Vála, E. Drozda-Senkowska. Cham: Springer, 2020. P. 75—85.

References

1. Bodriyar Zh. Dukh terrorizma. Voiny v Zalive ne bylo [The spirit of terrorism. There was no Gulf War]. Moscow: Ripol-Klassik, 2017. 226 p. (In Russ.).
2. Kompleksnyi plan protivodeistviya ideologii terrorizma v Rossiiskoi Federatsii na 2019–2023 gody (utv. Prezidentom Rossiiskoi Federatsii ot 28.12.2018 № Pr-2665) [Comprehensive plan for countering the ideology of terrorism in the Russian Federation for 2019–2023 (approved by the President of the Russian Federation dated 28.12.2018 No. Pr-2665)] [Elektronnyi resurs]. *MChS Rossii = Emercom of Russia*. Moscow, 2018. 19 p. URL: <https://www.mchs.gov.ru/dokumenty/2632> (Accessed 26.05.2020). (In Russ.).
3. Oganessian S.S. et al. Problema rasprostraneniya religioznogo ekstremizma v mestakh lisheniya svobody [The problem of the spread of religious extremism in places of deprivation of freedom] [Elektronnyi resurs]. *Vedomosti Ugolovno-ispolnitel'noi sistemy [Bulletin of the Criminal Executive System]*, 2019. Vol. 3, pp. 51—59. URL: http://or.fsin.su/vedomosti/detail.php?ELEMENT_ID=462214 (Accessed 26.05.2020). (In Russ.; Abstr. in Engl.).

4. Tikhonova A.D. et al. Radikalizatsiya v podrostkovo-molodezhnoi srede: v poiskakh ob'yasnitel'noi skhemy [Radicalization in adolescent and youth environment: in search of an explanatory scheme]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-Historical Psychology]*, 2017. Vol. 13, no. 3, pp. 32—40. DOI:10.17759/chp.2017130305 (In Russ.; Abstr. in Engl.).
5. Rodis'o A. Nevesty Dzhikhada [Brides of Jihad]. Moscow: Bombora, 2018. 416 p. (In Russ.).
6. Sosnin V.A. Psikhologiya terrorizma i protivodeistvie emu v sovremennom mire [Psychology of terrorism and counteraction to it in the modern world]. Moscow: Institut psikhologii RAN, 2016. 344 p. (In Russ.).
7. Chainikov Yu.V. 2019.04.008. Khosrokhavar F. Kiber-khalifat igil. Khosrokhavar F. Le cyber-califat de daech [2019.04.008. Khosrokhavar F. Cyber-Caliphate of Isis. Khosrokhavar F. Le cyber-califat de daech] [Elektronnyi resurs]. *Carnet du caps [Carnet du caps]*. Vol. 26. Paris, 2018. R. 89—100. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 9, Vostokovedenie i afrikanistika: Referativnyi zhurnal [Social and Human Sciences. Domestic and foreign literature. Ser. 9, Oriental Studies and African Studies: An Abstract Journal]*. 2019. Vol. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2019-04-008-hosrokhavar-f-kiber-halifat-igil-khosrokhavar-f-le-cyber-califat-de-daech-carnet-du-caps-paris-2018-n-26-r-89-100> (Accessed 17.09.2020). (In Russ.).
8. Borum R. Radicalization and involvement in violent extremism I: A review of definitions and applications of social science theories. *Journal of Strategic Security*, 2012. Vol. 4, no. 4, pp. 7—36. DOI:10.5038/1944-0472.4.4.1
9. Borum R. Radicalization and involvement in violent extremism II: A review of conceptual models and empirical research. *Journal of Strategic Security*, 2011. Vol. 4, no. 4, pp. 37—62. DOI:10.5038/1944-0472.4.4.2
10. Conesa P., Huyghe F.B., Chouraqui M. La propagande francophone de Daech: la mythologie du combattant heureux [Elektronnyi resurs]. FMSH. Observatoire des radicalisations. Paris, 2016. 230 p. URL: <http://www.favt.org/uploads/ckfinder/files/Actualit%C3%A9s/Rapport%20Propagande%20Bdef.pdf> (Accessed 17.09.2020).
11. RTI International. Countering Violent Extremism: The Application of Risk Assessment Tools in the Criminal Justice and Rehabilitation Process: Literature Review [Elektronnyi resurs]. *Homeland Security*. 2018. URL: <https://www.dhs.gov/publication/st-cve-application-risk-assessment-tools-criminal-justice-and-rehabilitation-process> (Accessed 16.05.2020).
12. Gelfand M.J. et al. Culture and Extremism. *Journal of Social Issues*, 2013. Vol. 69, no. 3, pp. 495—517. DOI:10.1111/josi.12026
13. Farr R. The roots of modern social psychology. Oxford: Blackwell Publishers, 1996. 166 p.
14. Brugh C.S. et al. Gender in the Jihad: Characteristics and Outcomes Among Women and Men Involved in Jihadist-Inspired Terrorism. *Journal of Threat Assessment and Management*, 2019. Vol. 6, no. 2, pp. 76—92. DOI:10.1037/tam0000123
15. Global Terrorism database [Elektronnyi resurs]. National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism An Emeritus Center of Excellence of the U.S. Department of Homeland Security. University of Maryland, 2020. <https://www.start.umd.edu/gtd/search/Results.aspx?search=&sa.x=54&sa.y=3> (Accessed 26.05.2020).
16. Institute for Economics & Peace. Global Terrorism Index 2019: Measuring the Impact of Terrorism. Sydney [Elektronnyi resurs]. Sydney: IEP, 2019. 101 p. URL: <http://visionofhumanity.org/reports> (Accessed 26.05.2020).
17. Goldman L., Hogg M.A. Going to extremes for one's group: the role of prototypicality and group acceptance. *Journal of Applied Social Psychology*, 2016. Vol. 46, no. 9, pp. 544—553. DOI:10.1111/jasp.12382
18. Hogg M., Kruglanski A., K. Van den Bos. Uncertainty and the Roots of Extremism. *Journal of Social Issues*, 2013. Vol. 69, no. 3, pp. 407—418.
19. Hogg M.A. Self-uncertainty, social identity and the solace of extremism. In Hogg M.A., Blaylock D.L. (eds.), *Extremism and psychology of uncertainty*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2012, pp. 19—35.
20. Hogg M.A. Social identity theory. In Burke P.J. (ed.), *Contemporary social psychological theories*. Palo-Alto: Stanford University Press, 2006, pp. 111—136.
21. Hogg M.A. To belong or not to belong: some self-conceptual and behavioural consequences of identity uncertainty. *International Journal of Social Psychology*, 2015. Vol. 30, no. 3, pp. 586—613. DOI:10.1080/02134748.2015.1065090
22. Hogg M.A. Uncertainty and the Roots of Extremism. *Journal of Social Issues*, 2013. Vol. 69, no. 3, pp. 407—418. DOI:10.1111/josi.12021
23. Hogg M.A., Meehan C., Farquharson J. The solace of radicalism: Self-uncertainty and group identification in the face of threat. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2010. Vol. 46, no. 6, pp. 1061—1066. DOI:10.1016/j.jesp.2010.05.005
24. Jones C.R. Are prison really schools for terrorism? Challenging the rhetoric on prison radicalization. *Punishment and society*, 2014. Vol. 16, no. 1, pp. 74—103. DOI:10.1177/1462474513506482
25. King M., Taylor D.M. The Radicalization of Homegrown Jihadists: A Review of Theoretical Models and Social Psychological Evidence. *Terrorism and Political Violence*, 2011. Vol. 23, no. 4, pp. 602—622. DOI:10.1080/09546553.2011.587064
26. Knudsen R.A. Measuring radicalisation: risk assessment conceptualisations and practice in England and Wales. *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*, 2020. Vol. 12, no. 1, pp. 37—54. DOI:10.1080/19434472.2018.1509105
27. Koomen W., Van der Pligt J. Introduction. In Koomen W., van der Pligt J. (eds.), *The Psychology of Radicalization and Terrorism*. New York: Routledge, 2016, pp. 1—10.
28. Kruglanski A., Fishman S. Psychological Factors in Terrorism and Counterterrorism: Individual, Group, and Organizational Levels of Analysis. *Social Issues and Policy Review*, 2009. Vol. 3, no. 1, pp. 1—44. DOI:10.1111/j.1751-2409.2009.01009.x

29. McCauley C. The ABC model: Commentary from the Perspective of the Two Pyramids Model of Radicalization. *Terrorism and Political Violence*, 2020. 10 p. DOI:10.1080/09546553.2020.1763964
30. McCauley C., Moskalkenko S. Mechanisms of political radicalization: Pathways towards terrorism. *Terrorism and political violence*. Philadelphia, Suite: Taylor & Francis, 2008. Vol. 20, no. 3, pp. 415—433. DOI:10.1080/09546550802073367
31. Millana L. Terrorism and violence in Spanish prisons: A Brief Glimpse into Prison Environment: Personal Experiences and Reflections. In Martín Ramírez J., Abad-Quintanal G. (eds.), *Cross-Cultural Dialogue as a Conflict Management Strategy*. Verlag: Springer International Publishing, 2018, pp. 138—153.
32. Moghaddam F.M. The Staircase to Terrorism: A Psychological Exploration. *American Psychologist*, 2005. Vol. 60, no. 2, pp. 161—169. DOI:10.1037/0003-066X.60.2.161
33. Merari A. et al. Personality Characteristics of «Self Martyrs» / «Suicide Bombers» and Organizers of Suicide Attacks'. *Terrorism and Political Violence*, 2009. Vol. 22, no. 1, pp. 87—101. DOI:10.1080/09546550903409312
34. Sarma K.M. Risk assessment and the prevention of radicalization from nonviolence into terrorism. *American Psychologist*, 2017. Vol. 72, no. 3, pp. 278—288. DOI:10.1037/amp0000121
35. Speckhard A. Female Terrorists in ISIS, al Qaeda and 21st Century Terrorism [Elektronnyi resurs]. *Trends Research: Inside the Mind of a Jihadist*, 2015. 10 p. URL: https://www.researchgate.net/profile/Anne_Speckhard/publication/277204743_Female_Terrorists_in_ISIS_al_Qaeda_and_21st_Century_Terrorism/links/556472a908ae86c06b6a76c5/Female-Terrorists-in-ISIS-al-Qaeda-and-21st-Century-Terrorism.pdf (Accessed 26.05.2020).
36. Spencer A.N. The Hidden Face of Terrorism: An Analysis of the Women in Islamic State. *Journal of Strategic Security*, 2016. Vol. 9, no. 3, pp. 74—98. DOI:10.5038/1944-0472.9.3.1549
37. Tajfel H. Social psychology of intergroup relations. *Annual Review of Psychology*, 1982. Vol. 33, no. 1, pp. 1—39. DOI:10.1146/annurev.ps.33.020182.000245
38. Haslam C. et al. The new psychology of health. London: Routledge, 2018. 490 p.
39. Von Knop K. The Female Jihad: Al Qaeda's Women. *Studies in Conflict and Terrorism*, 2007. Vol. 30, no. 5, pp. 397—414. DOI:10.1080/10576100701258585
40. Wickham B.M., Capezza N.M., Stephenson V.L. Misperceptions and motivations of the female terrorist: A Psychological Perspective. *Journal of Aggression, Maltreatment and Trauma*, 2020. Vol. 29, no. 8, pp. 953—968. DOI:10.1080/10926771.2019.1685041
41. Wiewiorka M. From the «classic» terrorism of the 1970s to contemporary «global» terrorism. In Jodelet D., Vala J., Drozda-Senkowska E. (eds.), *Societies under threat*. Cham: Springer, 2020, pp. 75—85.

Информация об авторах

Бовин Борис Георгиевич, кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Москвитина Мария Михайловна, научный сотрудник, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7679-4869>, e-mail: admin.database.info@gmail.com

Бовина Инна Борисовна, доктор психологических наук, профессор кафедры клинической и судебной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Information about the authors

Boris G. Bovin, PhD in Psychology, Associate Professor, Leading Researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Mariya M. Moskvitina, Researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7679-4869>, e-mail: admin.database.info@gmail.com

Inna B. Bovina, Doctor of Psychology, Research Director, Associate Professor, Department of Clinical and Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Получена 29.06.2020

Принята в печать 18.09.2020

Received 29.06.2020

Accepted 18.09.2020